

В.В. МАРЬИНА

ДИПЛОМАТИЯ БЕНЕША ПОСЛЕ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ. 1939–1945 годы

"Мюнхен" стал символом агрессивной сути гитлеровской внешней политики, преступного невыполнения международных обязательств западными державами и несовместимости с основными принципами международного права. Он означал очередной шаг на пути развязывания Второй мировой войны, явился важнейшим свидетельством ликвидации системы коллективной безопасности и окончательного устранения Лиги Наций от решения значимых вопросов европейской и мировой политики. "Мюнхен" настолько серьезное событие в мировой истории XX в., что постоянно привлекает к себе внимание исследователей и публицистов. Этому событию и усилиям чехословацкой дипломатии по ликвидации его последствий посвящен ряд работ российских (советских) историков¹ и вышедших еще в СССР документальных публикаций².

За границей очередной всплеск внимания к "Мюнхену" обозначился в связи с его 65-летием (2003 г.). Сначала публицисты, а потом и историки снова приступили к обсуждению таких вопросов, как шла ли в ту пору речь о предательстве и по отношению к кому, насколько демократической страной была межвоенная Чехо-Словацкая Республика (ЧСР), не стала ли она после 1918 г. новой "тюрьмой народов" и, как следствие, не была ли подорвана изнутри межнациональными противоречиями, готова ли была ЧСР сражаться за собственную свободу и независимость. Об этом же говорилось на международной конференции "Мюнхенское соглашение – путь к деструкции демократии в Европе", состоявшейся в Праге 24–25 октября 2003 г. Был затронут широкий круг вопросов, касавшихся внешней и внутренней, в том числе национальной и культурной, политики Чехословакии в конце 30-х годов XX в., политико-правовых аспектов соглашения, историографии проблемы. Спектр оценок среди участников конференции оказался достаточно широк³. Незадолго до этого в се-

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См., например: *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978; *Севостьянов Г.Н.* Мюнхен и дипломатия США. – Новая и новейшая история, 1987, № 4; *Марьина В.В.* Бенеш: второй визит в Москву. Декабрь 1943 г. – Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995; *ее же.* Э. Бенеш: переговоры в Москве (декабрь 1943 г.). Перевод и публикация документов, вступление, комментарии. – Вопросы истории, 2001, № 1, 2; *ее же.* Э. Бенеш: между Лондоном и Москвой. От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора 1943 г. – Россия XXI, 2008, № 3, 4; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории, в 2-х кн., кн. 1. М., 2005; *Орлик И.И.* Эдуард Бенеш: годы побед и поражений. – Новая и новейшая история, 2008, № 5.

² См., например: Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.): документы и материалы. М., 1971; Документы внешней политики СССР, т. XXI. М., 1977; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО), т. 3. М., 1978; Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939 гг. М., 1979; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. Ноябрь 1937 – декабрь 1938 г. М., 1981; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 – 31 мая 1939 г. М., 1990.

³ *Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě.* Praha, 2004.

рии "Документы чехословацкой внешней политики" вышли два тома публикации "Чехословацкая внешняя политика в 1938 г."⁴ Ядром нового труда стали материалы ряда фондов Архива министерства иностранных дел Чешской Республики. Особое внимание при этом было уделено шифrogramмам, поступившим в МИД ЧСР от чехословацких дипломатических представителей в Германии, Великобритании, Франции, Польше, Венгрии, Румынии, Югославии, а также циркулярным инструкциям, направляемым чехословацким дипломатам из Праги. В публикацию включены, кроме того, выступления министра иностранных дел ЧСР К. Крофты и записи бесед с иностранными дипломатами как в Праге, так и за рубежом. Большинство опубликованных документов впервые увидели свет. Исключение составляют донесения посла ЧСР в СССР З. Фирлингера о позициях Москвы в период мюнхенского кризиса: они были опубликованы самим Фирлингером⁵, а затем в переводе на русский язык включены в различные сборники документов советского периода.

Чехословацкий кризис 1938 г. вновь привлек внимание мировой общественности осенью 2008 г.: в Праге, Мюнхене, Москве состоялись международные конференции, посвященные 70-летию подписания Мюнхенского соглашения. Их материалы еще не опубликованы. Экс-президент Чешской республики В. Гавел, поддержавший мысль о снятии художественного фильма о мюнхенской трагедии, заявил 24 сентября 2008 г.: "Мюнхенское соглашение на многие десятилетия наложило отпечаток на нашу атмосферу и историю. Поэтому очень важно, чтобы оно оставалось постоянной темой рефлексии". Фильм, по его словам, "должен напоминать демократиям об ошибках, совершенных в XX столетии"⁶. О "Мюнхене" и его уроках говорил 31 июля 2008 г. и известный словацкий политик Я. Чарногурский (в 1991–1992 гг. – председатель словацкого правительства): "Мюнхен показал, что западные державы готовы помогать на Востоке (Востоке Европы. – В.М.) лишь тогда, когда это является составной частью их обороны... Англия и Франция так же, как в Мюнхене в отношении Чехословакии, поступили годом позже в отношении Польши... Из этого для словаков и для чехов следует поучение: если это не вредит нашим интересам, сближать наши интересы с Востоком, т.е. прежде всего с Россией. И самым важным является следующее поучение: никогда в области безопасности не зависеть только от Запада"⁷.

В России 70-летие "Мюнхена", помимо конференции и "круглых столов", было отмечено тем, что служба внешней разведки рассекретила большое количество документов (700 листов), относящихся к этому событию. Не меняя в корне нашего представления о вызревании чехословацкого кризиса, они дают много новых подробностей о его развитии и результатах, что обогащает картину происходившего, делает ее более яркой и насыщенной. В число рассекреченных входят перехваченные советской разведкой донесения иностранных посольств; сообщения внешнеполитических ведомств Австрии, Германии, Великобритании, Франции, Чехословакии и других стран; записи бесед и донесения дипломатов и т.д. В основном – это документы Центрального архива Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Подробнее о них идет речь в статье начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ генерал-лейтенанта В.С. Христофорова, отметившего: «Благодаря успешной работе советской разведки и контрразведки И.В. Сталин был полно-

⁴ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. 1 leden – 30 červen 1938; Sv. II. 1 červenec – 5 říjen 1938. Praha, 2000–2001. В подготовке труда участвовали Институт международных отношений (Прага), Карлов Университет, Институт истории АН ЧР, Центральный государственный архив (Прага). Конкретно над публикацией работали Й. Деймек в сотрудничестве с Я. Немечком, Х. Новачковой и И. Штёвичеком.

⁵ Fierlinger Z. Ve službách ČSR, díl 1. Praha, 1947.

⁶ <http://web.volny.cz/noviny/kultura/film/danek>

⁷ <http://blog.aktualne.centrum.cz/blogy/jan-arnogursky.php>

стью осведомлен о том, как проходил "мюнхенский сговор"»⁸. О рассекреченных материалах достаточно подробно сообщалось в российской прессе и по телевидению⁹.

В настоящей статье на основе впервые используемых архивных материалов и опубликованных документов говорится о том, как во время Второй мировой войны и после нее решался вопрос о признании недействительным с самого начала Мюнхенского соглашения, какие усилия прилагал для этого находившийся в эмиграции президент ЧСР Э. Бенеш при жизни.

* * *

В 5 час. 45 мин. 30 сентября 1938 г. в Прагу был доставлен текст Мюнхенского соглашения, пока неофициально, на английском языке и без подписей¹⁰. Реакция Э. Бенеша, по словам его секретаря П. Дртины, была следующей: "Это – конец. Вероломство наказывается. Уму непостижимо. Они (Англия и Франция. – *В.М.*) думают, что спасут себя от войны и революции за наш счет. Ошибаются"¹¹. Несколько часов спустя Крофта получил и официальный документ, свидетельствовавший о согласии англичан и французов на отторжение от ЧСР в пользу Германии так называемой Судетской области, населенной не только немцами, но и чехами¹². Ознакомившись с текстом, президент позвонил советскому послу в Праге С.А. Александровскому с просьбой запросить срочно Москву о том, сможет ли Советский Союз оказать помощь Чехословакии в одиночку в случае ее отказа принять ультиматум и, следовательно, оказания военного сопротивления рейху. Александровский такую телеграмму отправил, но, согласно официальной советской версии, по техническим причинам она была получена в Москве только вечером, и ответ Праге уже оказался не нужен¹³. Бенеш как президент и главнокомандующий, имевший право окончательного решения вопроса, к тому времени принял ультиматум, полагая, что страна не готова в одиночестве противостоять силам вермахта, что кровопролитие, множество жертв и разрушение страны в этом случае неизбежны. Вот что он говорил в связи с этим на заседании правительства 30 сентября: "С представителями армии были обговорены все возможности ведения изолированной войны, которая оставалась бы нам в том случае, если бы мы отвергли ультиматум и вследствие этого не получили бы никакой помощи ни от Франции, ни от Англии и ни от кого-либо другого, в условиях, если бы на нас напала Польша и Венгрия. В том случае, если бы нам на помощь пришла одна Россия, началась бы война против России, а Англия бы выступила против нас"¹⁴. С этим после непродолжительных дебатов согласились и председатель правительства генерал Я. Сыровы, и начальник Генерального штаба

⁸ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России). – Новая и новейшая история, 2009, № 1, с. 22.

⁹ См., например: Млечин Л. Вторая мировая война фактически началась с Мюнхена, с оккупации части Чехословакии. Сговор. – Российская газета, № 207, октябрь 2008, с. 14; "Сегодня", НТВ, 30 сентября 2008 г.

¹⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938, sv.II, dok. № 777, s. 452–454.

¹¹ Цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002, s. 147.

¹² О Мюнхенском соглашении см. подробнее: Марьина В.В. Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов). – Война. Народ. Победа. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 г. М., 2008, с. 19–50.

¹³ ДМИСЧО, т. 3, док. № 386, 388, 389, с. 549–551.

¹⁴ Там же, док. № 387, с. 550. Еще ранее, на заседании правительства вечером 29 сентября, Крофта говорил, что, согласно заявлению России, она готова вмешаться "в конфликт, в случае если Чехословакия подвергнется нападению и будет протестовать в Лиге Наций. Однако помощь со стороны лишь одной России была бы небезопасной, поскольку привела бы к возникновению антибольшевистского фронта". Во время заседания Бенеш и Крофта констатировали, что СССР охарактеризовал требования Германии как неприемлемые и что он готов выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. – Там же, док. № 382, с. 542.

Л. Крейчи, который до этого являлся сторонником организации вооруженного отпора агрессору, а также большинство министров и политических деятелей, считавших, что сопротивление в сложившихся условиях бесполезно. Несмотря на многочисленность и кажущуюся силу армии, вопрос о ее готовности эффективно сдерживать напор вермахта вызывал сомнение. К такому выводу приходят и современные военные исследователи проблемы.

Чехословакия в ту пору оказалась, по сути, в кольце враждебных государств: угроза исходила не только от Германии, но также от Польши и Венгрии, которые имели свои территориальные претензии к Чехословакии и надеялись реализовать их с помощью Берлина. Весьма неэффективной с точки зрения отражения всех внешних угроз оказалась дислокация чехословацких войск, налицо были слабость и отсутствие опыта старшего офицерского корпуса, отставание чехословацкой армии от вермахта в танках и авиации; мощные оборонительные укрепления на севере страны, строительство которых было начато в 1935–1936 гг. и рассчитано на 10 лет, пребывали в состоянии полуготовности к защите страны от нападения. Самое большее, на что можно было рассчитывать, это сдерживать силы вермахта, а, может, Польши и Венгрии, в течение примерно трех-четырех недель, понеся при этом огромные потери в людях и рискуя залить страну кровью.

Правильным ли являлось в тех конкретных условиях решение президента принять ультиматум и отказаться от военного сопротивления в одиночку? Среди современников Бенеша не было единства на этот счет. Споры по этому вопросу велись и ведутся исследователями вот уже более 70 лет. Каждая из сторон приводит свои доводы, не лишённые оснований. Критики президента считают, что надо было сражаться, что это дало бы надлежащий морально-психологический эффект, подняло бы национальное самоуважение в первую очередь чехов и словаков и вселило в них гордость за готовность защищать с оружием в руках свободу своей родины. Прибавилось бы, как кажется критикам, и уважения к "чехословакам" в мире. Возможно, это и так. Но Бенеш, прагматик и реалист в политике, рассудил иначе. Он не хотел ни крови, ни лишних жертв, ни разрушения страны, полагая, как оказалось впоследствии напрасно, что Гитлер оставит урезанную со всех сторон и по существу нежизнеспособную Чехословакию на некоторое время в покое. Президент, определяя свою стратегию, считал, что рано или поздно война западных держав с гитлеровской Германией неизбежна, что рейх потерпит в ней поражение и что Чехословакия будет восстановлена. Таковы были его мысли, когда он 5 октября 1938 г. в добровольно принудительном порядке (по сути по требованию Гитлера) сложил с себя обязанности президента Чехословакии и вскоре отбыл в Англию, где встретил холодный прием как, по мысли ее правящих кругов, один из архитекторов беспорядка в Европе. Другого Бенеш, видимо, и не ожидал. По словам одного из его ближайших соратников, журналиста и политика Г. Рипки, экс-президент сказал ему 12 ноября: "Здесь (на Западе. – В.М.) вероятно, все еще полагают, что Мюнхеном сохранили мир. Все скоро увидят, что, собственно, уже вступили в войну. Мюнхен подтвердил, что война неотвратима. Я не знаю, когда она начнется, может в будущем году, может через два-три года, но думаю, что более, чем год это не протянется"¹⁵. В этом экс-президент оказался прав.

Советский Союз, хотя и не делал официальных заявлений по поводу мюнхенского "сговора четырех" за счет Чехословакии, но определенно осудил соглашение. Советский посол в Лондоне И.М. Майский, ознакомившись с его содержанием, подчеркнул в беседе с заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом, что "оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны". Кадоган вынужденно согласился с тем, что результатом "Мюнхена" будут, по всей вероятности, "новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в

¹⁵ Цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš, s. 157.

ближайшем будущем"¹⁶. Советское правительство выступило против измышлений западной прессы о причастности Москвы к подписанию Мюнхенского соглашения, заявив, что оно "не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям". 4 октября 1938 г. газета "Известия" напечатала передовую "Политика премирования агрессора". Подвергнув резкой критике "миротворческую" политику Англии и Франции, газета писала, что "капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по всей видимости, отдалив войну, в действительности ее приближает и притом в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях"¹⁷. Решительно осудил СССР и расчленение Чехословакии в марте 1939 г.

В Англии и Франции поначалу с радостью приняли известие о Мюнхенском соглашении, надеясь избежать войны с гитлеровской Германией или хотя бы отдалить ее: в этих странах еще не изгладилась память об ужасах и жертвах Первой мировой войны, ни Англия, ни Франция (даже при наличии францужско-чехословацкого союзного договора), как полагали их верхи, не были готовы в военном отношении противостоять Германии и вступить в войну с ней за далекую от них Чехословакию. Политика умиротворения Гитлера казалась им наиболее подходящей в этих обстоятельствах, сулящей временное, более или менее длительное, сохранение мира в Европе. Но посыл оказался ложным: через полгода после подписания Мюнхенского соглашения Гитлер, наплевав на него, расчленил Чехословакию, включив ее западные части под названием "Протекторат Богемия и Моравия" в состав "третьего рейха" и создав по существу подвластное ему словацкое государство, Словацкую республику, просуществовавшую до мая 1945 г.

Англия и Франция вяло протестовали против уничтожения Чехословакии, осудив, по сути, не саму агрессию, а невыполнение Германией мюнхенских договоренностей. Само Мюнхенское соглашение ни осуждению, ни критике не подвергалось. После событий 14–15 марта 1939 г. в обеих странах усилилось недовольство ранее проводимой политикой сговора с фашистской Германией. 20 марта Майский сообщал в НКВД СССР: «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела огромное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее... Политика "умиротворения" в сознании широких масс мертва... усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР»¹⁸. По сути о том же сообщал и советский полпред во Франции Я.З. Суриц: "По степени взбудораженности и всеобщей встревоженности реакция французской общественности на последний гитлеровский захват Чехословакии превосходит все то, что мы наблюдали в прошлогодние сентябрьские дни. Акт 15 марта... по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене". Его французские "архитекторы", по словам полпреда, «не сразу хотели в этом признаться. Они на первых порах пытались даже багателизировать (от франц. *bagatelle* – безделушка. – В.М.) события, крючкотворствовали, доказывая, что налицо нет открытой агрессии, что все произошло в рамках двустороннего и "добровольного" соглашения, но под напором своего общественного мнения они недолго удержались на таких позициях и решили во избежание революции "снизу" возглавить революцию "сверху"»¹⁹.

Психология "умиротворения", свойственная тогда руководителям западных держав, была действительно поколеблена, но вовсе не преодолена. Советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов сдержаннее И.М. Майского и Я.З. Сурица оценивал настроения как в Англии, так и во Франции. Он полагал, что чехословацкие со-

¹⁶ Год кризиса 1938–1939, т. 1, с. 41.

¹⁷ Там же, с. 47–49.

¹⁸ Там же, с. 306.

¹⁹ Там же, с. 329–330.

бытия, хотя и "встряхнули общественное мнение" в этих странах, но Н. Чемберлен и Э. Даладьё "отнюдь еще не сдались" и "начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии", поскольку упомянутые события "полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток"²⁰. Так фактически и произошло.

Польша, по сути поддерживавшая Мюнхенское соглашение и реализовавшая свои территориальные претензии к Чехословакии, оккупировав Тешинскую Силезию, в марте 1939 г. предпочла позицию стороннего наблюдателя, хотя перспектива того, что она станет очередной жертвой германского агрессора, становилась все очевиднее. 17 марта польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил: "Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия"²¹. А через полгода Гитлер напал на Польшу. Англия и Франция, гарантировавшие после событий в марте 1939 г. ее безопасность, вынуждены были объявить войну "третьему рейху". Практическое бездействие англичан и французов в период ее ведения дало повод современникам и исследователям говорить о ней как о "странной войне".

"Мюнхен" был незаживающей раной Бенеша, он был травмирован им на всю жизнь и при каждой возможности старался объяснить и оправдать принятое им решение. Пробыв непродолжительное время в Англии, он по приглашению Чикагского университета уехал в США и как частное лицо занимался преподавательской деятельностью, не прекращая размышлять о судьбах демократии в Европе и причинах мюнхенской трагедии²². Мысль о том, что его любимое детище – Чехо-Словацкая Республика должна быть в конце концов восстановлена, не оставляла его ни на минуту. Лекции, прочитанные им в чикагском и других американских университетах, а затем доработанные, вышли в 1942 г. в Лондоне книгой "Демократия сегодня и завтра"²³. Бенеш тогда много размышлял о слабостях западной демократии и искал пути ее совершенствования. Именно в ту пору он проявил себя как последовательный сторонник идеи сосуществования двух общественных систем, капиталистической и социалистической, их взаимовлияния и взаимопроникновения. Он же ввел в научный оборот понятия "демократизирующий социализм" и "социализирующаяся демократия". Поэтому в советское время его относили к числу буржуазных идеологов, а на Западе упрекали в склонности к большевизму. "Мюнхен" означал крах всей прозападной внешнеполитической концепции Бенеша, проводимой им после 1918 г., сначала в качестве министра иностранных дел, а затем президента Чехословакии. Рефлексия "Мюнхена" привела его, в конце концов, к выработке формулы внешней политики, пригодной именно для ЧСР: "50% на Запад, 50% на Восток, а не 100% на Запад". Правда, не все оказалось так просто на деле, как в теории. Не оправдались некоторое время свойственные Бенешу иллюзии относительно возможной демократизации советского строя во время и после войны, а также обещания СССР не вмешиваться во внутренние дела Чехословакии, оказавшейся в сфере его влияния. Но это было позже, а пока Бенеш, основываясь на опыте "Мюнхена", считал необходимым существенно корректировать свои представления как о внутренней, так и о внешней политике возрожденной Чехословакии.

В США, куда экс-президент прибыл в середине февраля 1939 г., его ждал гораздо более теплый прием, чем в Англии. Вашингтон осудил агрессию "третьего рейха"

²⁰ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. – декабрь 1943 г. М., 1981, с. 14.

²¹ Год кризиса. 1938–1939, т. 1, с. 288–289.

²² Осенью 1943 г. Бенеш подготовил рукопись "Мюнхенские дни", в которой документально прослеживалось развитие мюнхенского кризиса на протяжении 1938 г. Я. Смутны издал ее в 1957 г. в Лондоне. В 1968 г., к 30-летию Мюнхена, она вышла и в Чехословакии: *Beneš E. Mnichovské dny. Paměti.* Praha, 1968.

²³ О книге и идеях Бенеша см.: *Бенеш Э. Демократия сегодня и завтра.* – Вопросы истории, 1993, № 1, 3 (перевод с чешского ряда глав книги, предисловие и комментарии В.В. Марьиной); *Серапионова Е.П.* Эдуард Бенеш и его идеи демократического развития общества. – Славяноведение, 1998, № 1.

против Чехословакии. Госсекретарь США С. Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. В таком же духе была составлена нота американского правительства от 20 марта и письмо президента США Ф.Д. Рузвельта на имя Э. Бенеша²⁴. Чикаго, где обосновался Бенеш, был местом сосредоточения значительной части чешской и словацкой эмиграции в Америке. Его лекции, особенно после 14–15 марта 1939 г., привлекли всеобщее внимание. Согласно его мнению, нарушение Гитлером мюнхенских договоренностей фактически означало их упразднение, следовательно, обманутые фюрером его западные партнеры должны считать соглашения утратившими силу. Однако, осудив формально расчленение Чехословакии, ни Англия, ни Франция не отказались от своих позиций в "Мюнхене". Бенеш же, приступивший к организации зарубежного чехословацкого Сопротивления и борьбы за восстановление ЧСР, пока занял осторожную позицию в отношении западных держав, не без основания полагая, что от них во многом зависит успех его деятельности. Он предпочитал выжидать и наблюдать за развитием событий. 21 марта экс-президент писал Рипке в Париж: «Не нападать ни на Англию, ни на Францию за "Мюнхен". Я сам не произнес и не произнесу публично ни одного слова. Сдерживаться и далее! Достоинство хранить молчание об этом и может стать недальновидно не оскорбить ни тех, кто знает и видит, что произошло, ни тех, кто не согласен с режимами в этих странах, но не может снести нападки на свои страны или народы»²⁵.

Такие же инструкции Бенеш дал и Фирлингеру 24 апреля: «То, что должно или не должно было произойти в сентябре [1938 г.] пока не обсуждать; это привело бы лишь к взаимным обвинениям и разногласиям. А также [не обсуждать] то, должны ли мы были или нет начать войну. Все это основывается на "если бы", и в каждое "если бы" всякий может вложить, что захочет. Никто ему не докажет обратного»²⁶. О том же 22 июня 1939 г. Бенеш писал из Чикаго своим сторонникам на родину: "У нас хорошая ситуация в Америке и России... Во Франции и Англии ситуация не так благоприятна. Стремление к компромиссу (с Германией. – В.М.) все еще велико, страх перед войной значителен, хотя чувствуется ее неизбежность. Я не хочу строить иллюзий в отношении **нынешних** правительств этих стран. У них запятнана совесть, что касается нас, они понимают, как навредили нам, и поэтому не любят нас. Они выискивают наши ошибки, чтобы оправдать свои непростительные действия. Но мы закрываем на это глаза и пытаемся заручиться их поддержкой. Если начнется война, то, конечно, произойдут большие изменения в правительствах, а затем и в отношении нас многое изменится". Вместе с тем Бенеш подчеркивал: "В будущем мы не забудем ничего из случившегося"²⁷. Это последнее и утвердило экс-президента в мысли "об укреплении мостов", наведенных ЧСР в отношениях с Советским Союзом после заключения советско-чехословацкого союзного договора 1935 г. Главное и принципиально важное положение, из которого исходил Бенеш, состояло в том, что Чехословакия должна иметь хорошие отношения как с Западом, так и с Востоком. Эта позиция основывалась на реалистическом и адекватном понимании им жизненно важных государственных и национальных интересов Чехословакии как малого государства в центре Европы. Хотя, как писал в своих воспоминаниях Б. Локкарт, позже английский представитель при Временном чехословацком правительстве в Лондоне, Э. Бенеш был "всегда западником и западником остался", вся его политика основывалась "на согласии между англо-американцами и русскими"²⁸.

²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 138, оп. 23, п. 36, д. 3, л. 19.

²⁵ Od rozpadu Česko-Slovenská do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Praha, 2002, dok. № 8, s. 62.

²⁶ Ibid., dok. № 25, s. 90.

²⁷ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Smernice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války. Ed. J. Šolc. Praha, 1996, s. 22.

²⁸ Цит. по: Křen J. V emigraci. Zapadní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969, s. 502.

28 мая 1939 г. Бенеш был приглашен на обед президентом США Ф. Рузвельтом. Беседа продолжалась три с половиной часа. Еще до встречи Бенеш направил Рузвельту обширный меморандум, содержащий оценку положения дел в Европе и видение им чехословацкой проблематики. "Разложение западных демократий, – подчеркнул экс-президент, – зашло так далеко, что без помощи Америки защитить Западную Европу от сегодняшней Германии нельзя". В документе говорилось о правовом признании континуитета существования Чехословацкой республики, хотя нормальная деятельность правительства прервана, о создании эмигрантского правительства, которое начнет функционировать с началом войны, о сохранении обязательств Чехословакии по внешним договорам, в том числе с Францией и Советским Союзом, о недействительности для Чехословакии Мюнхенского соглашения²⁹. В секретном циркуляре, направленном Бенешем после встречи с президентом США чехословацким посольствам в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Москве и Варшаве, продолжавшим функционировать после расчленения ЧСР, утверждалось, что он устно изложил Рузвельту свое видение событий сентября 1938 г. и что тот "резко осудил политику Франции и Англии, и особенно Чемберлена, весь период умиротворения считает фундаментальной ошибкой. Он поддерживает нас, нашу аннексию (Чехословакии. – В.М.) не признает и... верит в быстрое восстановление нашей независимости. Он полагает, что в сентябре [1938 г.] мы не могли и не должны были вести войну в одиночестве. Он считает нашу аннексию величайшей ошибкой Германии", за которую "она дорого заплатит". Бенеш подчеркнул также слова Рузвельта: "Я считаю вас и далее президентом, хотя не говорю об этом открыто. Поэтому при Вашем приходе я приветствовал Вас как президента"³⁰. Это дало Бенешу дополнительный аргумент при разработке им концепции континуитета домюнхенской Чехословакии, признания международным правом непрерывности ее существования в домюнхенских границах. Согласно воспоминаниям Бенеша, он поставил перед Рузвельтом три вопроса: верит ли американское правительство в восстановление ЧСР и готово ли этому способствовать? будет ли следовать своему заявлению от 17 марта, осуждающему немецкие действия, приведшие к ликвидации чехословацкого государства? признают ли в случае войны США чехословацкое эмигрантское правительство и поддержат ли, естественно, в рамках американской политики нейтралитета, движение Сопrotивления? На первые два вопроса Бенеш получил положительный, а на третий сдержанный (все будет зависеть от обстоятельств) ответ³¹.

Встречался экс-президент в Вашингтоне и с советским послом К.А. Уманским, который, по его словам, единственный из представителей великих держав в США поддерживал с ним связь и информировал о советской политике. Уманский тоже следил за деятельностью Бенеша в Америке. 14 апреля он сообщал в НКВД: "Бенеш очень активен, много выступает, сколачивает нечто вроде неофициального временного правительства, но, чтобы не дразнить американских гусей, в определенные организационные формы это не облекает. О нас и о нашей роли в сентябре [1938 г.] он во всех речах говорит хорошо"³². 1 июня 1939 г. Уманский передал советскому правительству Меморандум Бенеша по чехословацкому вопросу³³, который содержал, по сути, то же, что и меморандум на имя Рузвельта. В послании на родину 22 июня экс-президент сообщал: "Я поддерживаю контакт с Россией через здешнего посла Уманского, и я доволен их действиями... В Лондон выезжаю 12 июля, там буду

²⁹ См. Zeman Z. Op. cit., s. 167–168.

³⁰ Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 39, s. 116.

³¹ См. Zeman Z. Op., cit., s. 163–164.

³² АВП РФ, ф. 0138, оп. 20, п. 130, д. 1, л. 77.

³³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty (далее – ČSVDJ), díl 1. Praha, 1998, dok. № 12, s. 57–60 (на англ. яз.).

и далее с Россией поддерживать связь, и не исключено, что, если начнется война, должен буду поехать в Россию. Все будет зависеть от ситуации"³⁴.

* * *

В июле 1939 г., как и рекомендовал ему Рузвельт, Бенеш вернулся в Европу, где легче было вести борьбу за реализацию намеченных им задач и проще связываться с единомышленниками в оккупированной стране. Поселившись в Лондоне, он по мере необходимости наезжал в Париж: во Франции в то время сосредоточилась большая часть чехословацкой эмиграции. Несмотря на политическую и социальную разнотенность и соперничество за лидерство в ее среде, фигура Бенеша как политического деятеля, приемлемого для большинства сторонников восстановления Чехословакии и способного возглавить движение за реализацию этой идеи, явственно выдвинулась на первый план. Но в Англии и особенно во Франции, где по-прежнему у власти находились правительства "мюнхенцев" Чемберлена и Даладье, возвращение Бенеша не встретило энтузиазма. Позже он с горечью писал: "Следует с болью констатировать, что западноевропейские демократии вообще не понимали, о чем идет речь не только во время мюнхенского кризиса, но весь следующий год до начала войны"³⁵. Хотя среди английских политиков были и такие, кто осуждал официальный правительственный курс, например депутаты парламента – У. Черчилль, А. Иден и ряд их единомышленников. 27 июля Черчилль дал в честь Бенеша обед, на котором присутствовало около 40 политиков и общественных деятелей. В своей приветственной речи, как следует из записи начальника канцелярии Э. Бенеша Я. Смутного, будущий английский премьер высоко оценил 20-летние заслуги Бенеша в поддержании мира, проведении достойной уважения политики и особенно "за его джентльменское и самоотверженное ведение переговоров во время прошлогоднего кризиса"³⁶. Черчилль заявил, что, пока Чехословакия будет находиться под фашистским ярмом, в Европе не будет мира, и обещал, что пока жив, будет стремиться исправить ужасную ошибку, совершенную в отношении Чехословакии. "Я не знаю, – сказал он, – как пойдут дела дальше, и не могу сказать, что Великобритания пойдет сегодня на войну из-за Чехословакии. Знаю лишь, что будущий мир не будет установлен без Чехословакии". При этом, записал Смутный, "по его лицу текли слезы". То же самое говорили Иден и другие выступавшие. По согласованию с присутствовавшими прессе не было сообщено содержание выступлений: "Время чересчур напряженное, и д-р Бенеш полагает, что надо действовать осторожно. Следует констатировать, что этот обед нужно считать чрезвычайно важным и весьма ценным для нашего будущего"³⁷.

Главной же задачей Бенеша на тот момент было добиться согласия Запада на создание Временного чехословацкого правительства в эмиграции и международного признания концепции континуитета Чехословакии, т.е. фактического отказа Англии и Франции от "соглашения четырех". Вынужденный принять мюнхенский ультиматум, он сразу, и особенно после марта 1939 г., как уже говорилось, начал развивать мысль о противоречии соглашения международному праву. Четко позиция по этому вопросу была оформлена Э. Бенешем в письменной инструкции чехословацкому послу в Варшаве Ю. Славику 30 июля 1939 г.: "Юридически мюнхенское решение для нас не существует. Принятое без нашего участия, оно было навязано нам, никогда не было ратифицировано, никем из подписавших его не соблюдалось и не

³⁴ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti, s. 22.

³⁵ Beneš E. Demokracie dnes a zítra, sv. 1. Londýn [1942], s. 64.

³⁶ Осенью 1938 г. У. Черчилль и его сторонники выдвинули "Бенеша и чехословацкий народ" на Нобелевскую премию, однако это предложение не встретило поддержки.

³⁷ Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 61, s. 164–165.

выполнялось и, наконец, агрессией 15 марта было окончательно уничтожено"³⁸. Дополнительные аргументы для утверждения своей позиции в этом вопросе Бенеш получил после нападения Гитлера на Польшу, по существу принявшую участие в расчленении Чехословакии. В день объявления Англией войны Германии, 3 сентября 1939 г., он направил Чемберлену телеграмму, в которой выражалась решимость чехов и словаков "без колебаний сражаться бок о бок с Вашим народом за свободную Европу" и подчеркивалось: "Мы, чехословацкие граждане, также находимся в состоянии войны с немецкой военной силой и пойдем с Вашим народом до окончательной победы и освобождения своей страны". В ответной телеграмме британского премьера говорилось о вере "в освобождение чешского народа от чужеземного ига, как только победят принципы, во имя которых мы взяли за оружие"³⁹. Но это вовсе не означало, что английские "мюнхенцы" стали лучше относиться к Бенешу и готовы были признать его лидерство в организации зарубежного чехословацкого Сопrotивления. Ни Лондон, ни Париж не признавали Чехословакию существующим с точки зрения международного права государством и не хотели отказываться от Мюнхенского соглашения.

В Англии и особенно во Франции решение вопроса о создании Временного чехословацкого правительства натолкнулось на серьезные трудности. В конце концов удалось добиться согласия лишь на организацию Чехословацкого национального комитета (ЧНК), который призван был заниматься в первую очередь формированием чехословацких воинских частей на территории Франции. Майский трижды осенью 1939 г. встречался с Бенешем и ощутил его нервозность по этому поводу и стремление заручиться советской поддержкой в организации зарубежного чехословацкого Сопrotивления. Во время этих встреч Бенеш выражал понимание внешнеполитических акций СССР (советско-германского пакта о ненападении от 23 августа, советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября, присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу), говорил о желательности установления общей чехословацко-советской границы, о помощи СССР в освобождении Чехословакии от гитлеровского ярма, о возможной передаче после войны Подкарпатской Руси Советскому Союзу и т.д.⁴⁰ При первой же встрече с Бенешем 23 августа 1939 г. Майский заявил о роковом значении событий сентября 1938 г. не только для Чехословакии, но и для других: "Польша уже расплавляется [за это] и будет платить далее"⁴¹.

Но подвижки в общественном мнении Англии и Франции в чехословацком вопросе были налицо и не могли не сказаться на позиции их верхов. Об этом, в частности, свидетельствовала статья "Континуитет Чехословацкого государства" во французской газете "Тан" от 19 ноября 1939 г. Статья, отражавшая официальное мнение французского министерства иностранных дел (по словам чехословацкого посла в Париже Ш. Осуского, она родилась в недрах ЧНК и была без изменений принята французским МИД), содержала комплекс юридических аргументов, касавшихся непрерывности существования чехословацкого государства. Кроме того, в еженедельнике "Эропе сантрал" (1.XII. 1939 и 10.I.1940) появились статьи за подписями профессоров Кассина и Сцелле по тому же вопросу. Однако вопрос о Мюнхенском соглашении из тактических соображений пока не поднимался, хотя, согласно неофициальной информации, его действительность "следовало категорически отвергнуть а) с чехословацкой точки зрения, поскольку оно никогда не было одобрено чехословацкой стороной и б) с точки зрения международного права, поскольку бы-

³⁸ Ibid., dok. № 63, s. 169.

³⁹ Ibid., dok. № 109, s. 239.

⁴⁰ См. подробнее: *Марына В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941. М., 2007.

⁴¹ ČSVDJ, dok. № 20, s. 75.

ло грубо нарушено главным контрагентом – Германией, под давлением которой было принято⁴². Но даже с падением 23 марта 1940 г. кабинета Э. Даладье и приходом к власти правительства П. Рейно (он стал и министром иностранных дел) официальная позиция по чехословацкому вопросу не изменилась: Франция до своего падения в июне 1940 г. так и не признала за ЧНК права функционировать в качестве Временного чехословацкого правительства в эмиграции. Незадолго до эвакуации Парижа во французском МИД были сожжены все документы, касавшиеся сентябрьского кризиса 1938 г. и Мюнхенского соглашения⁴³.

Неофициальное согласие с позицией Бенеша относительно восстановления Чехословакии в домюнхенских границах выражалось и в стенах Форин оффиса: одобрительно оценивалась его лекция в Королевском обществе 22 января 1940 г.⁴⁴ Вопрос о континуитете Чехо-Словацкой Республики и ее границах примерно тогда же был поставлен и перед Польшей, о чем, в частности, свидетельствовала запись Э. Бенешем беседы с польским послом в Лондоне Э. Рачинским 2 декабря 1939 г. Речь шла о ревизии постмюнхенских границ с Германией, Венгрией и Польшей⁴⁵.

Пока, казалось, канул в Лету вопрос об общей чехословацко-советской границе. В конце 1939 г. советское правительство в контексте налаживания "дружбы с Германией" прервало все официальные связи с чехословацкими зарубежными органами Сопротивления. Были установлены дипломатические отношения со Словацкой республикой и прекратило существование чехословацкое посольство в СССР⁴⁶. Никаких заявлений ни по поводу "Мюнхена", ни по поводу агрессии против Чехословакии тогда Москва не делала, хотя во время неофициальных бесед и контактов давала понять, что поддерживает идею восстановления Чехословацкой республики.

В то же время в Англии усиливалась тенденция решения чехословацкого вопроса в желательном для Бенеша направлении. 26 апреля 1940 г. Бенеш направил Кадогану обширный меморандум, в котором обосновывал необходимость создания и признания союзниками временного чехословацкого правительства в Лондоне. В числе доводов международного плана значилось и неравноправное положение чехословацкой и польской эмиграции: польское эмигрантское правительство было создано уже в начале октября 1939 г. и сразу признано Англией и Францией. Поскольку уже в момент направления меморандума с подачи Англии ставился вопрос о желательности начала польско-чехословацких переговоров относительно создания после войны конфедерации, Бенеш подчеркивал, что при существующем положении дел "не только нельзя вести никаких переговоров", но чем дальше, тем больше находящиеся в эмиграции "чехословаки" и поляки отдаляются друг от друга. Всякое подчеркивание польской политической и дипломатической позиции после происшедшего в период "Мюнхена", полагал Бенеш, ощущается чехословацкими гражданами и на родине, и в эмиграции как "дальнейшее унижение, как продление мучений, как усиление несправедливости". В меморандуме отмечалось, что создание временного правительства вовсе не означает немедленного обязательства решить те или иные важные вопросы, в частности вопрос о границах. Затягивание с решением "будет лишь далее осложнять наши отношения с некоторыми народами Центральной Европы, особенно с Польшей, а в недалеком будущем, возможно, и с другими"⁴⁷, – говорилось в документе. Аргументы были достаточно весомы и положили начало переговорам Англии о признании Временного чехословацкого правительства в эмиграции.

⁴² Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 151, s. 316–319.

⁴³ Ibid., dok. № 255, s. 533.

⁴⁴ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943, díl 1 (далее – DHČP). Praha, 1966, dok. № 39, s. 67; Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 190, s. 372–373.

⁴⁵ Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 153, s. 324–325.

⁴⁶ См. подробнее: *Марына В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос..., с. 48–61, 292–328.

⁴⁷ DHČP, dok. № 93, s. 111–116.

10 мая 1940 г., в день немецкого нападения на Голландию, Бельгию и Люксембург, возглавляемое Чемберленом правительство "мюнхенцев" подало в отставку. Пост премьера получил Черчилль, Чемберлен стал его заместителем (до октября 1940 г.), а министром иностранных дел остался Галифакс, которого вскоре сменил ранее занимавший кресло военного министра Иден. Бенеш был несказанно рад этим переменам и телеграммой от 11 мая от души поздравил Черчилля с назначением главой кабинета министров. "Новое правительство в Англии – это почти настоящая революция, – писал он 12 мая чехословацкому послу в Вашингтоне В. Гурбану. – Все значимые посты – в руках антимюнхенцев, падение Чемберлена окончательно, и возвращение к прежнему положению невозможно"⁴⁸. В посланиях на родину 12 и 13 мая Бенеш сообщал, что правительство Черчилля имеет совершенно определенный антимюнхенский характер и что в контексте происшедших событий вопрос о создании чехословацкого правительства вскоре станет актуальным⁴⁹. Но чехословацкая проблематика пока по-прежнему оставалась на периферии внимания английской политики: дела на Западном фронте шли плохо, союзники терпели одно поражение за другим, началась эвакуация Парижа (он пал 14 июня), а также переправка в Англию чехословацких воинских частей, сформированных и действовавших на территории Франции. 22 июня она капитулировала. Но Бенеш упорно добивался своего. 9 июля он направил Галифаксу письмо, в котором содержались сведения о структуре временного чехословацкого государственного устройства в эмиграции, а именно: президент, правительство, государственный совет как консультационный и контролирующий орган, нечто вроде парламента. Сохранение в Лондоне чехословацкого посольства трактовалось как поддержка английским правительством политической и правовой преемственности Чехо-Словацкой Республики. В ответном письме Галифакса от 18 июля говорилось о намерении английского правительства признать временное чехословацкое правительство, но с оговоркой, что Англия не берет на себя обязательство признавать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе. Бенеш в послании на родину 20 июля трактовал это по-своему: "Буквально это означает, что мюнхенские границы не существуют"⁵⁰. В письме Галифакса указывалось также, что реакция английского правительства на 15 марта 1939 г. не означает, что оно заняло окончательную позицию в вопросе правового континуитета Чехословацкой республики. 21 июля последовало письмо Галифакса о согласии Великобритании с восстановлением Чехословацкого государства после войны и признании ею структуры временного чехословацкого государственного устройства в составе президента (Бенеш), правительства (во главе с И. Шрамеком) и Государственного совета (во главе с П. Максой). Однако о прямом признании недействительности Мюнхенского соглашения речь не шла⁵¹. Глава английского МИД активный "мюнхенец" Галифакс абсолютно не готов был к такому шагу, как и значительная часть сотрудников его ведомства.

Надо сказать, что концепция континуитета ЧСР по мере ее развития претерпевала изменения и уточнялась. К моменту начала функционирования временного чехословацкого правительства в эмиграции она имела три составляющие: признание незаконности с точки зрения международного права Мюнхенского соглашения и, следовательно, его недействительности с самого начала; признание того факта, что Бенеш вынужденно, под давлением силы, отказался от поста президента Чехословакии и, следовательно, по-прежнему является ее законным президентом; наконец, признание того, что война для ЧСР началась с расчленения страны в марте 1939 г., предтечей которого были мюнхенские договоренности. В радиообращении к чехо-

⁴⁸ Od rozpadu Česko-Slovenská..., dok. № 235, s. 489–491.

⁴⁹ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti, s. 58–59.

⁵⁰ Ibid., s. 71.

⁵¹ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946, s. 438–443.

словацкому народу 23 июля 1940 г. Бенеш выступал уже как признанный президент. Таким образом, на тот момент чешский и словацкий народы имели, по сути, трех легитимных с разных точек зрения президентов: Э. Бенеш в эмиграции, Э. Гаха в Протекторате Богемия и Моравия, Й. Тисо в Словакии. Англичане подкрепили свое признание тем, что 15 августа Бенеш был приглашен на обед к премьеру, а затем к королю.

Но тем не менее англичане не спешили отзываться свои подписи под Мюнхенским соглашением. Черчилль в радиообращении к чехословацкому народу по случаю второй годовщины "Мюнхена" 30 сентября 1940 г. говорил о трагической жертве, принесенной им (народом) в интересах европейского мира, о том, что битва за Великобританию является также битвой за Чехословакию ("мы сделали восстановление чехословацкой свободы одной из своих главных военных целей"). Премьер заявил, что Мюнхенское соглашение "мертво", что оно было уничтожено немцами⁵². Поскольку возникли разные толкования смысла этого заявления, его суть была формально сообщена и разъяснена Бенешу английской нотой от 11 ноября 1940 г., что, видимо, дало ему повод, выступая с речью по случаю начала работы Госсовета 11 декабря 1940 г., говорить о признании английским правительством Мюнхенского соглашения несуществующим⁵³. Однако в английском заявлении крылась тонкость: оно объявлялось несуществующим не потому, что англичане признавали ошибочность своей подписи под соглашением и отрекались от него, а потому, что оно было уничтожено Гитлером в марте 1939 г. Это было сродни английскому заявлению по поводу расчленения Чехословакии: в нем содержался протест не против самого акта агрессии, а против нарушения Германией мюнхенских договоренностей. Все эти нюансы и тонкости английской политики не мог не понимать Бенеш – ведь его представления о недействительности мюнхенского соглашения с самого начала не были приняты во внимание, – но президент предпочитал в той конкретной ситуации не акцентировать внимание на английских формулировках. В той же речи 11 декабря он говорил: "Принцип [континуитета] является первой статьей всей нашей освободительной программы". В конце 1940 г. президент в изгнании решил, основываясь на документах личного архива, написать и издать историю сентябрьских 1938 г. событий. О позиции англичан и французов тогда Бенеш, согласно записи Смутного, говорил: "Когда человек во всем этом снова копается, ужасно сознавать, как нас предавали на каждом шагу. Ни одного обещания не выполнили, уже на второй день ничего не помнили о том, что подписали. Изю всей этой истории мы, весь народ, выйдем с чистым сердцем... Теперь я постоянно буду указывать людям, как нас предавали и что такое Мюнхен"⁵⁴.

В первой половине 1941 г. Бенеш еще не раз возвращался к проблемам "Мюнхена", правового континуитета ЧСР и ее границ. В частности речь об этом заходила при обсуждении с англичанами вопроса о возврате Чехословакии Судетской области и о выселении с этой территории судетских немцев. Поскольку тогда уже велись чехословацко-польские переговоры о создании после войны федерации, вопрос о будущих границах был поставлен Э. Бенешем в письме польскому премьеру В. Сикорскому 25 февраля 1941 г. Поляки, как уже говорилось, Мюнхенское соглашение не подписывали, но воспользовались ситуацией, чтобы оторвать от Чехословакии Тешинскую Силезию (Тешин). В письме Бенеша подчеркивалось, что "чехословацкое правительство просто-напросто настаивает на тех границах, которые [ЧСР] имела до сентября 1938 г.", что для него "Мюнхен со всеми его последствиями просто не существует". Однако президент полагал, что "формулировать сегодня свою окончательную и твердую точку зрения на вопрос о границах во всех подробностях прежде-

⁵² Ibid., s. 444.

⁵³ Ibid., s. 280.

⁵⁴ DHČP, dok. № 124, s. 172–173.

временно и, так сказать, невозможно. Этот вопрос зависит от результатов войны, а также от нынешних и будущих действий отдельных народов и правительств, ведущих войну"⁵⁵. В начальный период ведения переговоров о создании после войны чехословацко-польской конфедерации вопрос о Тешине практически не поднимался.

Весной 1941 г. Бенеш решил продолжить политическое наступление в целях укрепления международных позиций чехословацкого правительства. С англичанами были начаты переговоры об изменении его статуса и признании в качестве полноправного, наподобие польского, норвежского, греческого, югославского, правительства. Черчилль и Иден обещали свою поддержку в этом плане. "Мюнхен с каждым днем искупается все более. И искупится полностью", – писал Бенеш в послании на родину 26 апреля, а 1 июня сообщал: "Наша договоренность о полном признании [чехословацкого правительства] Англией достигнута"⁵⁶. Однако в английском МИД, штат которого был в значительной степени укомплектован "старыми мюнхенцами", дело застопорилось. Об этом Бенеш 14 июня говорил Смутному, но оказывать давление на Идена президент не считал нужным⁵⁷.

* * *

Между тем международная ситуация резко изменилась: 22 июня Германия напала на СССР. Парадоксально, но факт: Бенеш и его окружение обрадовались этому. Оценивая ситуацию через призму своих интересов, лидер чехословацкой эмиграции полагал, что втягивание Советского Союза в войну ускорит ее конец, приведет к поражению нацизма и, следовательно, восстановлению Чехословакии. Рад был и Черчилль. Вечером 22 июня в выступлении по лондонскому радио он заявил о поддержке Советской России в войне против гитлеровской Германии, хотя и подтвердил свою неприязнь к коммунизму, который ему, однако, в ту пору казался меньшим злом, чем фашизм. Возник вопрос о возобновлении советско-чехословацких дипломатических отношений и налаживании сотрудничества в борьбе против гитлеровской Германии. 24 июня 1941 г. находившийся с весны этого года с тайной миссией в СССР полковник Г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях. В частности, в нем предлагалось, чтобы СССР признал "чехословацкое правительство в Лондоне в качестве единственного представителя чехословацкого народа и др-а Бенеша в качестве руководителя борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма"⁵⁸. Бенеша весьма занимали реакция советских властей на предложения Пики и, главным образом, их позиция по принципиальному с его точки зрения вопросу, "намерен ли СССР в отношениях с нами возвратиться к положению перед Мюнхеном" и в соответствии с этим решать, "хотя бы не сразу, а постепенно", все возникающие вопросы⁵⁹.

Москва в изменившихся условиях тоже была заинтересована в налаживании советско-чехословацких отношений. Позиция Советского Союза относительно судьбы малых европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была сформулирована 3 июля 1941 г. в телеграмме Майскому. В ней говорилось: "По вопросу о восстановлении национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии Вам следует придерживаться следующей позиции: а) мы стоим за создание независимого Польского государства в границах национальной Польши...; б) мы стоим также за восстановление Чехословацкого и Югославского государств". Указыва-

⁵⁵ Ibid., dok. № 130, s. 182–183.

⁵⁶ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti, s. 101, 104, 105.

⁵⁷ DHČP, dok. № 186, 188, s. 228, 229.

⁵⁸ ČSVDJ, dok. № 85, s. 196–198.

⁵⁹ Ibid., dok. № 86, s. 198–199.

лось, что вопрос о характере государственного режима в этих странах является их внутренним делом. О будущих границах Чехословакии и Югославии ничего не говорилось⁶⁰.

12 июля было подписано советско-английское соглашение о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии. Именно в этот день Бенеш изложил Смутному свои взгляды на роль Советского Союза в послевоенный период. Для нас, подчеркнул президент, имеет решающее значение, победит или потерпит поражение Россия в этой войне. Германия, по его мнению, будет разрушена, Англия и Франция не будут играть в Европе ведущую роль, а в Восточной и Центральной Европе решающую роль станет играть Россия. "Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики"⁶¹, – заметил президент. За несколько дней до этого он встречался с Майским, который ознакомил его с сутью указаний, полученных из Москвы. 10 июля чехословацкий министр иностранных дел Я. Масарик сообщал в Вашингтон В. Гурбану: "Обе стороны пришли к взаимному соглашению. Бенеш констатировал, что понимает это, как восстановление положения, существовавшего на 1938 год до Мюнхена... О границах и других вопросах мы пока не говорим"⁶². Последнее было не совсем точным, поскольку Бенеш поставил перед Майским и вопрос о границах, и вопрос о непрерывности ЧСР⁶³. О встрече с Майским Бенеш в тот же день сообщил Локкарту. "Я не хотел, – говорил президент Смутному, – чтобы англичане узнали об этом от другой стороны, я должен постоянно следить за тем, чтобы они не видели во мне человека, который хотел бы разыграть против них русскую карту. Им должно быть также ясно, что к первому контакту и разговору дошло по русской инициативе и что мы ни о чем не просили, наоборот, предложение исходило от русских. Это важно, поскольку я видел по реакции Локкарта, что англичане не пришли от этого в восторг. Я ему сказал также: разве это наша вина, что мы так долго ждем вашего признания? Разве я должен из-за того, что вы не даете мне неделями ответ, что не назначаете посла, что мы продолжаем здесь функционировать как временное правительство, разве я должен из-за всего этого отвергнуть русское предложение? Этого от меня никто не может требовать". Иден, по словам Бенеша, признал справедливость такой постановки вопроса и обещал в течение недели назначить посла⁶⁴. 16 июля Военный кабинет Великобритании принял решение об урегулировании отношений с чехословацким эмигрантским правительством, о признании республики де-юре и назначении посланника. Об этом на приеме у короля сообщил Бенешу Черчилль. "Бенеш был достаточно зол на англичан за то, что они постоянно медлят с признанием республики, – значится в записи Смутного от 16 июля. – Они признали нас как временное правительство, а речь идет о превращении его в постоянное. Признание русскими, о чем известно англичанам, оказывает давление и на них, и правдоподобно, что о нем будет опубликовано раньше, нежели об английском"⁶⁵. Так и произошло. С вручением соответствующей ноты англичане опоздали. На несколько часов их опередил СССР: утром 18 июля в советском посольстве в Лондоне Майским и Масариком было подписано Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Чехо-Словацкой Республики. Оно предусматривало немедленный обмен посланниками; взаимопомощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие советского правительства на образование на территории СССР чехословацких воинских частей⁶⁶. В соглашении ниче-

⁶⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1973, с. 198.

⁶¹ ДМИСЧО, т. 4, кн. 1, док. № 77, с. 119–120.

⁶² ДНЧР, dok. № 196, s. 239.

⁶³ ДМИСЧО, т. 4, кн. 1, док. № 76, с. 117–118; док. № 77, с. 119–120; ДНЧР, dok. № 198, s. 242.

⁶⁴ ДНЧР, dok. № 198, s. 241.

⁶⁵ ДМИСЧО, т. 4, кн. 1, док. № 79, с. 124–126.

⁶⁶ Там же, док. № 82, с. 129.

го не говорилось ни о континуитете Чехо-Словацкой Республики, ни о ее будущих границах. При этом как бы само собой разумелось, что Советский Союз, признав правительство Чехословацкой республики, тем самым де-факто заявил (во всяком случае чехословацкая сторона трактовала это именно так) о своем положительном отношении к вопросу о правовой и политической преемственности республики. Как следует из записи Смутного от 16 июля, Майский ясно подчеркнул, что при подписании соглашения "речь идет не об установлении дипломатических отношений, которые были лишь временно прерваны из-за отсутствия посланников, а о том, что признание республики всегда продолжалось. Это подтверждает наш принцип преемственности"⁶⁷. Действительно, речь шла не об установлении, а о восстановлении дипломатических отношений. Однако в заявлении Майского была и определенная неточность, поскольку невозможно было одновременно иметь дипломатические отношения со Словацкой республикой⁶⁸ и признавать существование Чехословакии. Но, видимо, Бенеш и его окружение тогда просто "закрывали глаза" на это. Ведь заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. По словам Смутного, "Бенеш снова стал президентом республики", в то время, как до этого "он был им в наших мыслях и желаниях", президентом, признаваемым в общественном и личном плане, но не в международно-правовом отношении. "Вчера республика снова стала полноправным международным субъектом, а Бенеш ее президентом"⁶⁹.

Несколько часов спустя после подписания советско-чехословацкого соглашения Масарик получил ноту Идена об окончательном признании чехословацкого правительства. Однако, что касается континуитета Чехословакии, то подтверждалась английская позиция от 21 июля 1940 г. о рассмотрении указанного вопроса в "более подходящий для этого момент". Правительство Великобритании не брало на себя и обязательств признавать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе⁷⁰. Бенеш, недовольный пассажем о судетских немцах, 23 июля возвратил ноту Идену. Форин оффис вынужден был подготовить новый документ, который был передан Бенешу 30 июля⁷¹.

Впрочем, по вопросу о границах пока не делало никаких заявлений и советское правительство, что констатировал и Бенеш в послании на родину 14 августа 1941 г.: в Москве "восстановление республики понимают как само собой разумеющееся, но о своих планах в Центральной Европе и о других вопросах, касающихся границ, точно и детально ничего не говорят"⁷². По смыслу и духу советско-чехословацкого соглашения было аналогично советско-британскому соглашению от 12 июля, и поэтому не вызвало в Англии особых возражений. 26 июля руководимое Бенешем чехословацкое правительство признал Китай⁷³. 30 июля о своем признании временного чехословацкого правительства во главе с президентом Бенешем заявили США. И лишь 26 октября 1942 г. решением Рузвельта временное признание было заменено полным и окончательным⁷⁴.

19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен З. Фирлингер, покинувший Москву в декабре 1939 г. 15 августа его принял глава НКВД В.М. Молотов. В беседе, в частности, затрагивался и вопрос о позициях и политике Чехословакии, СССР, Англии и Франции в период "Мюнхена". По словам Фирлингера, "тогда многие, может быть, плохо истолковали позицию Чехословакии, порицали ее за

⁶⁷ Там же, док. № 79, с. 124.

⁶⁸ См.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999, с. 198–240.

⁶⁹ ČSVDJ, dok. № 93, s. 212–213.

⁷⁰ Beneš E. Šest let exilu..., s. 459–460.

⁷¹ DHČP, dok. № 209, 211, s. 254–255.

⁷² Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti, s. 115.

⁷³ АВР РФ, ф. 0138, оп. 22, п. 130а, д. 1, л. 49.

⁷⁴ Beneš E. Šest let exilu..., s. 463–464.

то, что она не стала драться. Мы драться хотели... но в то время Европа была против нас и против вас... Англичане и французы не только не поддерживали нас, а наоборот... В такой обстановке было бы трудно и нам, и вам. Вам одним пришлось бы выступить против всей Европы". "Соглашаясь с этим, – значит в записи беседы, – тов. Молотов говорит, что трудности создавало и то обстоятельство, что СССР не имел общей границы ни с Чехословакией, ни с Германией"⁷⁵.

Осень 1941 г. была временем тяжелейших испытаний для Советского Союза: немцы блокировали Ленинград, вплотную подошли к Москве. Но именно здесь они потерпели первое серьезное поражение. 7 декабря после нападения японцев на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в войну вступили США, что значительно изменило расстановку противоборствующих сил. В середине декабря в Москву с визитом прибыл Иден. Целью предстоявших переговоров являлось укрепление советско-английского сотрудничества в войне против нацистской Германии и прояснение вопроса о послевоенном устройстве Европы. Уже в первой беседе с Иденом 16 декабря Сталин выразил пожелание наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны и изложил свое видение проблемы. Что касается Советского Союза, то, по мнению советского лидера, необходимо восстановление его границ, существовавших в 1941 г. до нападения Германии на СССР. Что касается Чехословакии, то она "должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны"⁷⁶. Это заявление, по сути, включало все основные на тот период пожелания чехословацкого эмигрантского правительства, касающиеся границ восстановленной Чехословакии. Позиция Идена в указанных вопросах сводилась к следующему: британское правительство пока всерьез не занималось проблемами послевоенной Европы, оно "не считает возможным признавать новые границы немедленно, до конца войны", эти вопросы следует отложить до мирной конференции. Взаимопонимания на переговорах достичь не удалось.

Москва уже не в первый раз неофициально заявляла о желании видеть Чехословакию, восстановленной в домюнхенских границах. Лондон же, признав Мюнхенское соглашение утратившим силу, не торопился осудить его. И это было очень важно для выстраивания внешнеполитической концепции Бенеша: ориентации во внешней политике по формуле "50% на Запад и 50% на Восток". Президент продолжал упорно и настойчиво добиваться ясности в вопросе признания союзниками правового и политического континуитета Чехословакии, что, естественно, предполагало непризнание ими Словакии как самостоятельного государства. И действительно, Англия, США, СССР, признав чехословацкое правительство, в течение всей войны делали вид, что такого государства с международно-правовой точки зрения не существует, и не объявляли ей войну, хотя словацкие войска участвовали в боях на советско-германском фронте.

После визитов Сикорского и Идена в СССР в декабре 1941 г. Бенеш тоже засобиравшись в Москву, желая выяснить ее отношение к волновавшим его вопросам о континуитете ЧСР, ее границах и т.д. 28 апреля 1942 г. на стол Молотова легла секретная справка о предполагавшейся поездке Бенеша в Москву, составленная IV Европейским отделом НКВД. В ней перечислялись вопросы, которые Бенеш намеревался обсудить с советским руководством и, в частности, о послевоенных границах Чехословакии. Бенеш утверждал, говорилось в справке, что англичане «отстаивают мюнхенский раздел Чехословакии, и английское правительство не хочет

⁷⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 25, д. 347, л. 1.

⁷⁶ Ржещевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004, с. 38–39.

дать ему точный ответ о восстановлении Чехословакии (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – В.М.). Бенеш требовал от англичан признать... что "домюнхенский законный статус Чехословакии восстанавливается"... Английское же правительство не только не аннулировало мюнхенское соглашение, но даже признание чехословацкого правительства сопровождается оговорками... Бенеш, не получив от англичан признания домюнхенских границ Чехословакии, явно рассчитывает получить это признание от нас и тем самым заставить англичан аннулировать мюнхенское соглашение», т.е. признать его недействительным с самого начала. Президент намеревался также обсудить вопрос об общей границе между СССР и Чехословакией, что, по его мнению, являлось "предпосылкой будущей безопасности Чехословакии". Бенеш, говорилось в справке, "признает наши границы 1941 г... и вполне вероятно, что он будет готов заявить об этом публично в итоге переговоров в Москве, получив взамен от нас признание необходимости восстановления домюнхенских границ Чехословакии"⁷⁷. Поездка президента в Москву, полагали составители справки, является "целесообразной и своевременной".

В первой половине 1942 г. чехословацкое правительство не прекращало своих усилий, направленных на получение от британских властей заявления о признании Мюнхенского соглашения недействительным с самого начала. Англичанам в неофициальном порядке был передан меморандум "К вопросу о границах ЧСР", в котором явно обозначалась связь между признанием недействительности "Мюнхена" и восстановлением домюнхенских границ. Английское МИД и его глава Иден считали, что эти вопросы надо рассматривать вкупе с вопросами о переселении после войны судетских немцев и о конфедеративном устройстве Центральной Европы. Бенеш готов был к компромиссам и уступке части бывшей чехословацкой приграничной территории взамен на признание необходимости трансфера немецкого меньшинства из Чехословакии. Естественно, что на англичан не мог не влиять взгляд Москвы на конфигурацию послевоенной ЧСР. А он был неофициально обозначен: Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхенских границах.

20 мая 1942 г. Молотов прилетел в Лондон для подписания советско-английского союзного договора. Обсуждение его содержания свидетельствовало о наличии серьезных разногласий между партнерами, особенно, что касается вопроса о будущих границах. В частности, англичане отказались брать на себя какие-либо обязательства в отношении гарантирования границ в Восточной Европе. Но, в конце концов, компромисс был найден. Бенеш высоко оценил подписанный 26 мая договор, считая его "документом серьезным, на сто процентов отвечающим нашей сегодняшней и послевоенной политике", "фундаментальным для послевоенного урегулирования, определяющим на длительный период общую политику России и Англии в Европе"⁷⁸. На 9 июня была назначена встреча Молотова с Бенешем. Но еще до ее начала советский посол при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов, дважды встречавшийся с Г. Рипкой, а также с П. Максой и Э. Бенешем, довел до их сведения точку зрения советского правительства⁷⁹. Рипка заявил о желательности письменного оформления этой позиции. Принимая Бенеша, Молотов подтвердил, что "советское правительство выступает за восстановление независимой, сильной Чехословакии... в тех границах, которые существовали до Мюнхена"⁸⁰. Сегодня известны две записи этой беседы: одна, сделанная Богомоловым⁸¹, вторая – несколько дней спустя Бенешем⁸². Записи в принципе (по перечню обсужденных проблем, описанию

⁷⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 274, л. 2–6.

⁷⁸ Там же, оп. 6, п. 70, д. 838, л. 27–28.

⁷⁹ Там же, оп. 4, п. 25, д. 275, л. 1, 9, 13.

⁸⁰ Там же, оп. 6, п. 14, д. 145, л. 5–6.

⁸¹ Там же, оп. 4, п. 5, д. 48, л. 13–16; Ржешевский О.А. Указ. соч., с. 323–325.

⁸² ČSVDJ, dok. № 168, s. 345–351.

позиций) незначительно отличаются друг от друга, некоторая разница есть в акцентах, более или менее подробном изложении интересующих обе стороны вопросов. "Бенеш начал беседу с выражения благодарности советскому правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии... за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах", – так начинается советская запись беседы. Бенеш, как значится в его записи, подчеркнул, что "только Советы так ясно видят и формулируют вопрос [о наших домюнхенских границах]". "Молотов мне сразу же сообщил, – отметил президент, – что СССР [выступает] за наши домюнхенские границы, поскольку не может одобрить и принять ничего из того, что связано с Мюнхеном и его последствиями". В оценке "Мюнхена" мнения собеседников совпали, но замечание Молотова о том, что "особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена", с чем Бенеш, как следует из советской записи, согласился, и его ответ: "Чехословакия была столько лет верна Франции и, в конце концов, была предана ею", есть только в советской записи. Объясняя принятое им в сентябре 1938 г. решение и нежелание опереться в противостоянии с Гитлером только на Советский Союз, Бенеш подчеркнул свои опасения того, что Запад может втянуть Германию в изолированную войну против СССР: "Проблема была та же, что и в 1939 г. (речь шла о причинах подписания советско-германского пакта 23 августа 1939 г. – В.М.); Запад мог бы в 1938 г., предав нас, [военный] конфликт между нами и Германией использовать для начала войны против Советского Союза. Я должен был предотвратить это любой ценой".

25 июня Бенеш и Рипка были приглашены на обед к Идену, который интересовался беседой президента с Молотовым и, в частности, тем, имеется ли письменное советское заявление о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах. Бенеш ответил, что это заявление было устным, но Молотов подтвердил его во время встречи, а Рипка добавил, что, очевидно, последует и письменное уведомление. Но еще ранее, 7 июня, Иден сообщил Бенешу следующее: английское правительство, учитывая, что Германия умышленно нарушила соглашение 1938 г., касающееся Чехословакии, "не чувствует себя связанным никакими обязательствами в этом отношении"⁸³. Таким образом, снова подтвердив свои прежние заявления, англичане тем не менее не осудили сам факт подписания Мюнхенского соглашения и не признали его недействительность с самого начала.

Летом–осенью 1942 г. в связи с оттяжкой открытия второго фронта в Европе усилилась напряженность в советско-английских отношениях, свидетельством чего стал визит Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г. Но незадолго до этого англичане решили еще раз продемонстрировать свое доброе отношение к Чехословакии. 5 августа Иден сообщил Масарику письменно, что правительство Великобритании не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением и что "при окончательном определении чехословацких границ в конце войны на его точку зрения не будут влиять никакие изменения, происшедшие в этом вопросе как в 1938 г., так и позднее"⁸⁴. 29 августа Фирлингер довел этот факт до сведения заведующего IV Европейским отделом НКВД Н.В. Новикова и добавил, что, "по его мнению, успешное завершение переговоров зависело, по-видимому, от того, что Бенеш воспользовался заявлением т. Молотова по этому же вопросу и тактически использовал его в разговоре с Иденом"⁸⁵. 2 сентября 1942 г., уже после поездки в СССР, Черчилль в письме на имя Бенеша подтвердил решение британского правительства⁸⁶. Англичане гото-

⁸³ Ibid., s. 345, сноска 4 к док. № 168.

⁸⁴ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960, с. 55.

⁸⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 277, л. 84.

⁸⁶ ДНЧР, dok. № 236, s. 286.

вы были политически дистанцироваться от "Мюнхена", но лишь при сохранении их правовой оценки его изначальной действительности, т.е. фактически они не отозвали свои подписи под Мюнхенским соглашением и не осудили его. Концепция континуитета Чехословакии столкнулась тут с представлениями английского МИД о преемственности внешнеполитической линии Великобритании.

Однако Бенеша в то время устраивал компромиссный характер ноты Идена от 5 августа. Не последовало возражений и со стороны СССР. Еще 13 июля в беседе с Богомоловым президент информировал его о ходе переговоров с англичанами по вопросу о "Мюнхене" и согласованной с ними формулировке. Советский посол заявил, что заявление Молотова о признании домюнхенских границ Чехословакии "имеет обязательный характер" и что "английская формулировка означает примерно то же самое". На вопрос Бенеша, намерен ли СССР подтвердить свою позицию письменно, Богомолов ответил, что в этих вещах необходимо учитывать позицию Англии и что в случае ее письменного заявления проще это будет сделать и Москве⁸⁷. То же самое Богомолов заявил и Рипке 27 июля: "Я уже дал Вам заверение, что советское правительство [высказывается] за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах. Это – официальная точка зрения, и ничего не меняется от того, что из тактических соображений, особенно учитывая позицию Англии, мы Вам не говорим об этом публично или посредством особой письменной ноты"⁸⁸. 29 сентября З. Фирлингер передал В.А. Зорину (IV Европейский отдел НКВД) ноту А. Идена от 5 августа и выразил пожелание, чтобы «советское правительство, подтверждая получение данной ноты, выразило бы еще раз отношение Советского Союза к мюнхенским решениям в отношении Чехословакии, чтобы, как он выразился, "зафиксировать для истории уже известную чехословацкому народу позицию СССР"»⁸⁹. Однако прошел почти месяц, прежде чем Молотов направил Фирлингеру соответствующее письмо, предварительно согласовав его текст со Сталиным. "Прошу утвердить этот ответ чехам о Мюнхене. Молотов. 22. X", – написано жирным синим карандашом по тексту послания. Здесь же – красным карандашом помета: Ст[алин]. В письме говорилось, что "советское правительство с удовлетворением приняло к сведению факт заключения чехословацким и британским правительствами соглашения по вопросу **прекращения действия** (выделено мной. – В.М.) Мюнхенского соглашения 4-х держав от 29 сентября 1938 г. и всех его юридических, политических, дипломатических и территориальных последствий, происшедших в 1938–1939 гг... Советское правительство, как не принимавшее участия в Мюнхенском соглашении, никогда не считало и не считает себя связанным в какой-либо степени постановлениями данного соглашения". Письмо, датированное 24 октября, было вручено З. Фирлингеру заместителем наркома С.А. Лозовским 28 октября⁹⁰. В тот же день Масарик и Богомолов обменялись нотами, касавшимися чехословацкого полпредства в Москве, которое обрело статус посольства, Фирлингер получил ранг посла⁹¹. Следует отметить, что в справке о советско-чехословацких отношениях в 1941–1943 гг., подготовленной Новиковым 1 июля 1943 г., отмечалось, что заявление советского правительства от 28 октября фактически распространялось "и на вопрос о Тешинской Силезии, захваченной Польшей у Чехословакии вслед за принятием Мюнхенских решений"⁹².

⁸⁷ ČSVDJ, dok. № 177, s. 363.

⁸⁸ Ibid., dok. № 182, s. 372.

⁸⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 277, л. 100.

⁹⁰ Там же, д. 273, л. 19–20; Советско-чехословацкие отношения..., док. № 28, с. 55.

⁹¹ ČSVDJ, dok. № 192, s. 396.

⁹² АВП РФ, ф. 07, оп. 4, п. 31, д. 43, л. 5–6.

После Англии и Франция, точнее Французский Национальный комитет (ФНК), возглавляемый Ш. де Голлем, решила высказать свое отношение к Мюнхенскому соглашению. М. Дежан, комиссар иностранных дел ФНК, получил при этом такие инструкции от де Голля: "Что касается будущих границ Чехословакии, мы должны быть готовы выступить за интеграцию такой Чехословакии, которая существовала до Мюнхена. Тем не менее мы должны формулировать это так, чтобы позднее иметь более свободные руки относительно судебного меньшинства внутри Чехословакии, судьбы Словакии и населения Тешина. Однако наша декларация должна быть сформулирована более выразительно в поддержку Чехословакии, чем английская"⁹³. Первоначальный проект французского заявления, датированный 9 сентября 1942 г., был отвергнут чехословацким руководством как неприемлемый⁹⁴, поскольку исходил из британского утверждения об уничтожении Мюнхенского соглашения Германией 15 марта 1939 г. Бенеш настаивал на более ясных и четких формулировках. Рипка в беседе с Дежаном заявил: "Вы сделали шаг вперед по сравнению с Англией, однако не так далеко, как русские. Но Франция должна идти дальше, чем Россия"⁹⁵.

Представленный французами новый проект, с которым Г. Рипка предварительно ознакомил английского посланника при чехословацком правительстве Ф.Б. Николса и А.Е. Богомолова, выразившими свое согласие, был одобрен на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства 29 сентября 1942 г. ФНК заявлял, что "отвергает соглашения, подписанные в Мюнхене 29 сентября 1938 г... считает эти соглашения **недействительными с самого начала** (выделено мной. – В.М.), как и все последующие акции, имевшие место при осуществлении этих соглашений или в их следствии. Он не признает никаких касающихся Чехословакии территориальных изменений, которые произошли в 1938 г. или позднее". По всей видимости, как считают чешские исследователи вопроса, Дежан не консультировался с Форин оффисом при составлении текста заявления⁹⁶.

В тот же день, 29 сентября, де Голль направил Шрамеку письмо с заявлением ФНК о недействительности Мюнхенского соглашения и о поддержке борьбы за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах. В ответном письме чехословацкое правительство обязалось поддержать борьбу Франции за ее освобождение, независимость и международное признание⁹⁷. Заявление вызвало негативную реакцию поляков, поскольку оно затрагивало по сути и вопрос о чехословацко-польских границах. Сикорский письмом от 30 сентября приказал министру иностранных дел польского правительства Рачиньскому направить ноту протеста французам. Сикорский полагал, что обсуждение этого вопроса без поляков недопустимо и вообще тема не подлежит дискуссии. 9 октября ФНК получил резкую польскую ноту протеста: французская поддержка чехословацкого требования восстановления домюнхенских границ квалифицировалась как наносящая вред интересам Польши и противоречащая ее политике защиты польской территориальной целостности. Де Голль заявил, что "пусть поляки требуют от них чего угодно, но Национальный комитет ничего не изменит ни формально, ни по существу в своем заявлении от 29 сентября с.г. о ликвидации Мюнхена"⁹⁸. Однако в ответной ноте Р. Плевена – он сменил М. Дежана на

⁹³ Цит. по: Kuklik J., ml., Němeček J. Cesta k oduznání Mnichova za druhé světové války. – Mnichovská dohoda..., s. 138–139.

⁹⁴ DHČP, dok. № 240, 242, s. 280.

⁹⁵ Kuklik J., ml., Němeček J. Op cit., s. 139.

⁹⁶ Ibid., s. 139–140.

⁹⁷ Československo-franzouzské vztahy v diplomatických jednáních 1940–1945. Ed. J. Němeček, H. Novačková, I. Št'oviček, J. Kuklík. Praha, 2005, s. 166–172, 174–179, 190–191.

⁹⁸ Ibid., s. 200–201.

посту комиссара иностранных дел – польскому правительству формулировки были смягчены и говорилось уже о необходимости "дружественного соглашения" по вопросу о границах между Чехословакией и Польшей. До лета 1944 г. руководство французского заграничного Сопротивления более не высказывалось относительно недействительности Мюнхенского соглашения.

Несмотря на то, что в 1942 г. была достигнута определенная ясность в вопросе отношения к "Мюнхену" Англии и Франции (ФНК), он продолжал обсуждаться, когда заходила речь о границах, выселении из ЧСР немецкого меньшинства, времени начала ее войны с Германией и Венгрией, возмещении Чехословакии военного ущерба и т.д. Изменение общей международной ситуации в пользу союзников по антигитлеровской коалиции предполагало возможное изменение их позиций в оценке "Мюнхена". Поэтому Бенеш при каждой возможности обращался к этому вопросу. Он ставил его, например, в беседе с государственным секретарем США К. Хэллом в мае 1943 г., который, по словам президента, заявил, что «мюнхенские решения проводились в духе несправедливости и нечестности и для Соединенных Штатов, поскольку это касается Чехословакии, они являются "Null and void" (ничтожными, т.е. не существующими, и недействительными. – В.М.)»⁹⁹. Один из первых вопросов, которые Бенеш пожелал обсудить с Молотовым во время его визита в Москву по случаю подписания советско-чехословацкого союзного договора в декабре 1943 г., касался ликвидации последствий "Мюнхена". В советской записи беседы это выглядит так: "Бенеш говорит о необходимости исправления всех последствий Мюнхенского соглашения в отношении Чехословакии. Т. Молотов заметил, что точка зрения советского правительства по этому вопросу известна. Бенеш выразил свое удовлетворение и подчеркнул, что остановился на этом вопросе для того, чтобы получить окончательную ясность в этом вопросе"¹⁰⁰. Осенью 1944 г., когда стало очевидно, что Подкарпатская Русь (ПР) фактически оказалась во власти Москвы, Бенеш, который в принципе не возражал против присоединения ПР к СССР (УССР), продолжал настаивать на восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах и передаче Закарпатья Советскому Союзу на законных основаниях¹⁰¹. В частности, об этом свидетельствовала и беседа Г. Рипки с советским послом в Лондоне Ф.Т. Гусевым 21 декабря 1944 г. Посол заявил, что, по его мнению, не может быть сомнения в восстановлении суверенной Чехословакии в домюнхенских границах и что принят принцип, согласно которому предвоенными считаются границы Германии, существовавшие на 31 декабря 1937 г. Рипка подчеркнул важность этого принципа для Чехословакии, она подверглась агрессии со стороны Германии, Польши и Венгрии еще до того, как остальная Европа оказалась в войне. Гусев выразил уверенность, что в решении всех этих вопросов советское правительство будет помогать Чехословакии¹⁰². Проблема границ снова была поставлена Бенешем перед Молотовым 21 марта 1945 г. во время переговоров президента в Москве, где он останавливался по пути из Лондона на родину. Бенеш опять напомнил, что чехословацкое правительство всегда выражало свои взгляды по этому вопросу "формулой – домюнхенские границы". Далее президент сообщил, что за три дня до его отъезда из Лондона англичане заявили письменно о своем отношении к проблеме границ, "сделав шаг вперед. Они написали, что к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы... Англичане согласились считать границы Чехословакии, как они

⁹⁹ ČSVDJ, dok. № 240, s. 482.

¹⁰⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 33, д. 401, л. 3.

¹⁰¹ См. подробнее: *Марына В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.

¹⁰² ČSVDJ, díl 2. Praha, 1999, s. 388. Однако, в конце концов, вопрос о том, что война для Чехословакии началась осенью 1938 г., был решен не в ее пользу.

[существовали] на 31 декабря 1937 г. Свою формулировку признания границ они хотя бы предлагают для обсуждения в ЕКК (Европейская консультативная комиссия. – В.М.) в Лондоне. Бенеш обещает передать текст английского заявления по этому вопросу. Молотов спрашивает, претендует ли Бенеш на какие-либо территории сверх границ 1937 г. Бенеш отвечает, что он имеет некоторые претензии в пограничной с Германией области, но не развивает этой темы"¹⁰³. На международных форумах советское правительство действительно поддерживало территориальные и прочие претензии Чехословакии, но не все удалось отстоять.

В отношении же Тешинской Силезии Советский Союз к концу войны занял осторожную позицию, считая, что вопрос должен быть решен "полюбовно" путем переговоров между чехословацким и польским правительствами: в это время уже существовало поддерживаемое СССР Временное польское правительство (ВПП), которое по настоянию Москвы после длительных проволочек было признано и Чехословакией. Чехословацкому правительству не удалось, как оно того хотело, добиться в качестве предварительного условия признания ВПП его заявления об отказе от претензий на Тешинскую Силезию, захваченную Польшей в 1938 г.¹⁰⁴ В памятной записке о переговорах с Бенешем, составленной Зориным 27 марта 1945 г. и одобренной Молотовым, значилось: "Советское правительство поддерживает свою позицию относительно сохранения домюнхенских границ Чехословакии. При этом имеется в виду, что спорные вопросы между Чехословакией и Польшей в отношении Тешина будут подвергнуты благоприятному рассмотрению обеими сторонами в непосредственных переговорах между ними"¹⁰⁵. "Благоприятное рассмотрение" между правительствами обеих стран продолжалось многие годы и завершилось при посредничестве Москвы только в 1958 г. подтверждением поляками существования домюнхенской границы.

Достаточно четко, наконец, определила свое отношение к "Мюнхену" и Франция. После высадки союзников в Нормандии 10 июля 1944 г. чехословацкое правительство вопреки британскому желанию высказалось за признание французского временного правительства, что способствовало подписанию 17 августа чехословацко-французской декларации. В ней говорилось, что обе стороны "считают мюнхенские соглашения со всеми их последствиями недействительными с самого начала"¹⁰⁶. Декларацию подписали с чехословацкой стороны Шрабек и Масарик, а с французской стороны – де Голль и его дипломатический представитель при чехословацком правительстве Дежан. Союзники были уведомлены о декларации и ее содержании.

Так обстояло дело с отношением к Мюнхенскому соглашению в лагере союзников.

* * *

Наметились подвижки и в стане противника. В первую очередь это касалось Италии, вышедшей из войны после падения режима Муссолини летом 1943 г. Перемирие с Италией, подписанное 3 сентября 1943 г., предполагало решение в будущем всех политических, экономических и финансовых вопросов. В связи с этим 10 октября 1943 г. союзным правительствам был передан чехословацкий меморандум, в котором выдвигалось требование отказа Италии от Мюнхенского соглашения и решений Венского арбитража Германии и Италии от 2 ноября 1938 г. о передаче Венгрии

¹⁰³ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 833, л. 1.

¹⁰⁴ См. подробнее: *Марына В.В.* Советский Союз и Чехословакия. 1945 год. – Новая и новейшая история, 2005, № 3, с. 42–43; *Němeček J.* Od spojení v k roztržce. Vztahy československé a polské exilové reprezentace 1939–1945. Praha, 2003, s. 260–294.

¹⁰⁵ АВП РФ, ф. 07, оп. 10, п. 37, д. 497, л. 485.

¹⁰⁶ Československo-franzouzské vztahy..., s. 395–401.

территорий на юге и востоке Словакии и юго-западе Подкарпатской Руси. 26 сентября 1944 г., когда исход войны не оставлял сомнений, итальянский министр иностранных дел К. Сфорца передал чехословацкому представителю при итальянском правительстве единогласное его решение, в котором говорилось: "Констатируя, что политика фашистского режима в отношении Чехословакии находилась в противоречии с самыми благородными традициями Италии, а также с нашими непосредственными интересами, и подтверждая, что такая политика была одним из важнейших показателей подчинения [итальянского] фашизма гитлеровской Германии, итальянское правительство торжественно заявляет, что считает мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г. **недействительным с самого начала** (выделено мной. – В.М.)". Признавались недействительными также решение Венского арбитража и все последовавшие акты, нанешие вред "независимости и целостности Чехословацкой республики". Итальянское правительство заявляло "перед всем миром и историей", что "все эти решения и соглашения стали предательством образа мыслей и воли итальянского народа, который пока был свободен хотел политики доверия и плодотворного сотрудничества с Чехо-Словацкой Республикой в интересах мира и свободы Европы"¹⁰⁷.

Решение итальянского правительства, широко распропагандированное прессой, несомненно, стало известно и в Венгрии. С октября 1944 г. в Москве велись переговоры о заключении перемирия между СССР и Венгрией. В декабре на освобожденной венгерской территории в Дебрецене было создано временное правительство, которое приняло решение о выходе Венгрии из войны на стороне Германии и объявило ей войну. Активизировались переговоры о перемирии. Чехословакия, которая по праву считала себя жертвой венгерской агрессии, рассчитывала, что при его подготовке будут учтены все ее претензии к Венгрии. В инструкциях, направленных Рипкой Фирлингеру 30 декабря 1944 г., подчеркивалась, в частности, необходимость внесения в условия перемирия пункта об осуждении Венгрией всех агрессивных актов 1938–1939 гг. и признания ею домюнхенских границ ЧСР¹⁰⁸. 14 января 1945 г. заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов передал З. Фирлингеру текст согласованного с Англией и США перемирия с Венгрией, в котором объявлялись "несуществующими" решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г.¹⁰⁹ 20 января 1945 г. направленная в Москву венгерская правительственная делегация подписала соглашение о перемирии с СССР, Англией и США. Согласно мирному договору с Венгрией, заключенному 10 февраля 1947 г. в Париже, восстанавливалась с небольшими исправлениями в пользу Чехословакии чехословацко-венгерская граница, существовавшая на 1 января 1938 г.¹¹⁰

Что касается Германии, то вопрос о ее отношении к Мюнхенскому соглашению решался уже много лет спустя после окончания войны. В 50-е годы усилились споры, теперь уже среди правоведов, о том, может ли быть признано Мюнхенское соглашение юридически недействительным уже с момента его подписания. Вслед за юристами многие политические деятели на Западе, прежде всего в Федеративной Республике Германии (ФРГ), стремились доказать, что в момент его заключения соглашение было правомерным. В мае 1964 г. министр западногерманского правительства Г.Х. Зеебом утверждал, что Мюнхенское соглашение "с международной точки зрения является безупречным"¹¹¹. Правительство ФРГ в ноте Чехословакии от 25 марта 1966 г. заявило, что "Мюнхенское соглашение 1938 г. было разорвано Гитлером" и уже не имеет никакого значения с точки зрения вопроса о территориях.

¹⁰⁷ Kuklik J., ml., *Němeček J.* Op. cit., s. 143–144.

¹⁰⁸ ČSVDJ, díl. 2, dok. № 206, s. 426–427.

¹⁰⁹ Ibid., dok. № 221, s. 457.

¹¹⁰ <http://www.lostart.ru/documents/447.html>

¹¹¹ Правда, 20.V.1964.

Правительство ЧССР решительно возражало против такой постановки вопроса. В его ответной ноте говорилось, что правительство ФРГ "должно безоговорочно осудить так называемое мюнхенское соглашение и официально признать его незаконность с самого начала"¹¹². Однако ФРГ не желала отказываться от своих позиций. В феврале 1967 г. канцлер Западной Германии К.Г. Кизингер, выступая перед землячеством судетских немцев, заявил, что, пока он "исполняет свои обязанности, не может быть и речи о заявлении, аннулирующем Мюнхенское соглашение"¹¹³. В крайнем случае, по мнению западногерманских юристов, можно говорить о том, что оно утратило силу вследствие расчленения Гитлером Чехословакии.

Правоведы социалистических стран утверждали, что соглашение противоречило действовавшему в то время международному праву. Чехословацкий юрист-международник Я. Жоурек в 1961 г. пришел к выводу, что "Мюнхенское соглашение с самого начала было ничтожным, т.е. не имело юридической силы". Аргументы сводились к следующему: оно противоречило обязательствам, возложенным на государства Уставом Лиги Наций; оно противоречило основным принципам международного права, грубо попирая суверенитет и территориальную целостность Чехословакии; оно было навязано ЧСР под угрозой агрессии со стороны нацистской Германии; оно было заключено в нарушение чехословацких конституционных норм; оно являлось обманным маневром со стороны нацистской Германии¹¹⁴. Примерно также выглядела и аргументация советских правоведов¹¹⁵.

Из этого исходил и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ЧССР от 6 мая 1970 г. Его шестая статья гласила: "Высокие Договаривающиеся стороны исходят из того, что Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г. было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляет собой составную часть преступного заговора гитлеровской Германии против мира и грубое нарушение основных норм международного права и что поэтому оно является с самого начала недействительным со всеми вытекающими из этого последствиями"¹¹⁶. СССР прилагал и дипломатические усилия к тому, чтобы понудить ФРГ признать недействительность Мюнхенского соглашения. В договоренности о намерениях сторон, выработанной при подписании Договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г., фиксировалось положение о том, что "вопросы, связанные с недействительностью Мюнхенского соглашения, будут урегулированы в переговорах между ФРГ и ЧССР в приемлемой для обеих сторон форме"¹¹⁷. В ходе этих трудных переговоров, длившихся в течение трех лет, действительно была сделана попытка найти формулировку, устраивавшую обе стороны. Делегация ФРГ настойчиво обосновывала свое мнение о невозможности объявить Мюнхенское соглашение ничтожным. Организации землячества судетских немцев всячески "торпедировали" переговоры, стремясь не допустить достижения договоренностей о недействительности Мюнхенского соглашения. Советский Союз, поддерживавший Чехословакию, решил привлечь к этому вопросу внимание мировой общественности. 26 сентября 1972 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступая на пленарном заседании XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил: "Расчистка европейской почвы от наследия войны должна быть завершена путем... урегулирования отношений между Чехословакией и ФРГ на основе признания Мюнхенского соглашения недействительным с самого начала. Переговоры об этом, как известно, ведутся, и хотелось бы выразить надежду, что они будут завершены положитель-

¹¹² Rudé právo, 8.IV.1966.

¹¹³ Правда, 28.II.1967.

¹¹⁴ <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?>

¹¹⁵ Анисимов Л.Н., Мазуров В.К. Недействительность (ничтожность) Мюнхенского соглашения. – Правоведение, 1975, № 5, с. 80–86.

¹¹⁶ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979, с. 431.

¹¹⁷ Там же, с. 435.

ным исходом"¹¹⁸. Но в ФРГ продолжалась внутренняя борьба по вопросу о "Мюнхене". Судетские немцы и симпатизировавшие им политические партии не хотели отступать, отвергнув даже формулировку о ничтожности Мюнхенского соглашения, поскольку оно как "имеющее силу было заключено в 1938 г., в результате чего Судетская территория стала составной частью рейха"¹¹⁹. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, ЧССР, стремившаяся к быстрой нормализации чехословацко-западногерманских отношений, предложила компромиссное решение: четко закрепить в договоре формулу о недействительности (ничтожности) Мюнхенского соглашения, но без указания времени (момента), с которого оно считается недействительным¹²⁰. В преамбуле Договора о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ от 11 декабря 1973 г. признавалось, что Мюнхенское соглашение было "навязано Чехословацкой республике нацистским режимом под угрозой применения силы". В первой статье констатировалось, что обе стороны рассматривают это соглашение как "несуществующее", "ничтожное" (в чешском тексте – "nulitní", в немецком – "nichtig"). В статье четвертой указывалось на "нерушимость общих границ в настоящем и будущем и обязательство сторон уважать территориальную целостность обоих государств и не выдвигать друг к другу никаких территориальных претензий"¹²¹. Правительство ЧССР согласилось с тем, что "договор не затрагивает правовых последствий, которые вытекают в отношении физических и юридических лиц из права, применявшегося с сентября 1938 г. до мая 1945 г., и что договор не создает правовой основы для материальных претензий ЧССР". Однако дальнейшее показало, что термин "ничтожный" в отношении Мюнхенского соглашения толкуется обеими сторонами по-разному: в ФРГ как "несуществующее" вследствие разрыва соглашения Гитлером в марте 1939 г., в ЧССР, как недействительное с самого начала, т.е. с 29 сентября 1938 г. Так этот термин толковался, например, в выступлении министра иностранных дел ЧССР Б. Хнѣупека на заседании Федерального собрания ЧССР 15 июля 1974 г.¹²²

В преамбуле договора о добрососедстве и сотрудничестве между Чехословацкой Федеративной Республикой и ФРГ от 27 февраля 1992 г. со ссылкой на договор 1973 г. тоже употребляется термин "nulita" в отношении Мюнхенского соглашения. Подчеркивалось, что Чехословацкое государство, начиная с 1918 г., не переставало существовать. Стороны опять подтвердили, что они не имеют друг к другу территориальных претензий и "не будут предъявлять таких претензий и в будущем"¹²³. Насколько известно автору, вопрос о "Мюнхене" в дальнейшем не поднимался: очевидно обе стороны довольствовались компромиссной формулировкой. Не поднимался он и во время обсуждения в первой половине 90-х годов XX в. чрезвычайно политизированного вопроса об оценке декретов Бенеша 1945 г., касавшихся выселения из Чехословакии судетских немцев¹²⁴. Чешско-немецкая декларация, подписанная 21 января 1997 г. тогда премьер-министром Чешской республики В. Клаусом и канцлером ФРГ Г. Колем, признавала ответственность Германии за историческое развитие, приведшее к Мюнхенскому соглашению, и констатировала, что несправедливости, совершенные обеими сторонами, "останутся в прошлом" и что они "не будут отягощать свои отношения политическими и правовыми вопросами, проистекающими из прошлого"¹²⁵.

¹¹⁸ Там же, с. 436.

¹¹⁹ Там же, с. 445.

¹²⁰ Götz J. Ke vztahům mezi ČSSR a NSR. – Nová mysl, 1973, № 10, s. 1328.

¹²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 437–439.

¹²² Там же, с. 443–444.

¹²³ Mrazek J. Mnichov a jeho důsledky z pohledu mezinárodního práva. – Mnichovská dohoda..., s. 358.

¹²⁴ См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. М., 2004, с. 512–515.

¹²⁵ О декларации см. подробнее: Марьина В.В. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 гг. – Славяноведение, 2003, № 3, Приложение, с. 40–43.